

А.В. ЛОЖКОВА
(г. Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1.1 (Лермонтов М.Ю.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,445

«ВИД ГОР ИЗ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА» М.Ю. ЛЕРМОНТОВА КАК ОБРАЗЕЦ «РОЛЕВОЙ» ЛИРИКИ

Аннотация. В статье предпринят сопоставительный анализ сонета А. Мицкевича «Вид гор из степей Козлова» и его вольного переложения М.Ю. Лермонтовым. Выявлены особенности субъектной организации стихотворения русского поэта, позволяющие рассматривать его как образец «ролевой» лирики.

Ключевые слова: Лермонтов, Мицкевич, «ролевая» лирика, сонет.

Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Вид гор из степей Козлова» (1838) является вольным переложением одного из сонетов Адама Мицкевича, с которыми русская читающая публика познакомилась во второй половине 1820-х годов [см.: Федотов 2011: 81–181]. Сборник «Sonety», изданный в 1826 году в Москве и чуть позже, в 1829 году, – в Петербурге, включал в себя 40 стихотворений на польском языке и был разделен на две части: «Любовные сонеты» и «Крымские сонеты». Вторая часть привлекает внимание оригинальной поэтической структурой: в качестве субъектов лирического высказывания в ней представлены два условных персонажа, или маски, обозначенные как Пилигрим и Мирза. Первый из них – сложный образ, вмещающий в себя многие уровни мировосприятия: «Пилигрим Мицкевича сочетает в себе родовые приметы пилигримства в чосеровском смысле (путешествуя с друзьями по Крыму, он получает удовольствие от самого процесса познания нового для него мира, выполняя одновременно важную конструктивную роль блуждающего субъекта, фокусирующего соответствующие лирические переживания, и придавая ему колорит отстраненного видения цивилизованным христианином экзотики мусульманских святынь); и в байроновском смысле (лирический герой “Крымских сонетов” – литературный родственник и Чайльд-Гарольда и Дон Жуана <...> знакомясь с неизвестным краем, он тоскует об утраченной родине; самое же очевидное сходство между ними – в романтическом мировосприятии, роднящем и их создателей), равно как и в норвидовском (даже мысленное восхождение на вершины крымских гор сопряжено с духовным возрождением, приобщением к высшим, божественным таинствам)» [Федотов 2011: 102]. Можно воспринимать Пилигрима и как политическо-

го изгнанника, путешествующего по чужим краям невольно. Таким образом, Пилигрим очень близок биографическому автору, не случайно он наделен ярко выраженными чертами европейца. Мирза – человек восточного менталитета, мусульманин, раскрывающий своему спутнику особенности мировосприятия аборигенов. Каждый сонет оказывается репликой одного из персонажей. Иногда Пилигрим и Мирза вступают в беседу и в рамках одного произведения.

Одно из таких стихотворений и является объектом нашего внимания:

A. Mickiewicz
Widok gór ze stepów Kozłowa
Pielgrzym i Mirza.

Pielgrzym.

Tam? Czy Allah postawił wpoprzek morze lodu?
Czy aniołom tron odlał z zamrożonej chmury?
Czy Diwy z ćwierci lądu dźwignęły te mury,
Aby gwiazd karawanę nie puszczać ze wschodu?

Na szczycie jaka łuna! Pożar Carogrodu!
Czy Allah? Gdy noc chylat rozciągnęła bury,
Dla światów żeglujących po morzu natury,
Tę latarnię zawiesił wśród niebios obwodu?

Mirza.

Tam? – Byłem; zima siedzi, tam dzioby potoków
I gardła rzek widziałem pijące z jej gniazda.
Tchnąłem, z ust mych śnieg leciał, pomykałem kroków

Gdzie orły dróg nie wiedzą, kończy się chmur jazda,
Minąłem grom drzemiący w kolebce z obłoków,
Aż tam gdzie nad mój turban była tylko gwiazda.

To Czatyrdah!

Pielgrzym.

A-a!!

[Цит. по: Федотов 2011: 583]

Приведем подстрочный перевод, выполненный О.И. Федотовым:

Вид гор из степей Козловских**Пилигрим и Мирза****Пилигрим**

Аллах ли в море лед там взгромоздил стеною?
Иль ангелам отлил трон из замерзшей тучи?
Иль Дивы суши твердь преобразили в башни,
Чтоб караваны звезд не пропустить с востока?

Какое зарево с вершин! Пожар Царьграда!
Аллах ли, ночь когда халат простерла бурый,
Для всех светил, плывущих в океане мира
Повесил, как маяк, фонарь средь небосвода?

Мирза

Там? – Где я был, зима сидит, потоков клювы
И горла рек, видал, пьют из ее гнездовья.
Там от дыханья снег...И я следы оставил,

Орлы где не летают, где пути нет тучам,
Прошел и гром, что в облачной спит колыбели,
Звезда одна осталась над моим тюрбаном.
То Чатырдаг!

Пилигрим

Аа!!

[Федотов 2011: 583]

По мнению О.И. Федотова, в тексте представлен диалог двух типов сознания: европейского и восточного. Пилигрим воспринимает Чатырдаг со стороны, как явление экзотическое, и старается говорить на псевдоориентальном, дилетантски-мифологическом языке, как бы демонстрируя глубину своих познаний: «Варианты Пилигрима – типичные варианты поэта, пытающегося применить к обстоятельствам и объяснить неведомое ему явление, используя местный колорит» [Федотов 2011: 105]. А потому в его реплике наличествуют и Аллах, и Дивы, и витиеватость восточной поэтической пышности. Но именно эта псевдоориентальность и показывает, насколько отделено сознание Пилигрима от воспринимаемой им реальности. Мирза, отреагировав на вопрос собеседника нарочито обыденным «Там?», побуждаемый воспоминаниями, вдохновенно рассказывает о собственных впечатлениях от пребывания на Чатырдаге. Он – часть этой реальности, слит с ней, основой его волнения оказывается непосредственный жизненный и душевный опыт. Таким образом, сонетные тезис и антитезис разнесены по репликам персонажей. Заком оказывается кода – пятнадцатая, «лишняя» строка, в которой Пилигрим, утратив напыщенный псевдо-

ориентальный стиль, выражает свой искренний восторг в непосредственном восклицании, в результате чего возникает резонансный эффект двух душевных порывов.

Сонеты Мицкевича произвели сильное впечатление на русских поэтов и читателей. Возникло целое литературное явление, которое можно было бы назвать «Русский Мицкевич»: многочисленные переводы, подражания и переложения как любовных, так и «Крымских сонетов». Привлек внимание и данный сонет.

Первым предложил читателям свои переводы П.А. Вяземский. В журнале «Московский телеграф» в 1827 году была помещена его рецензия на книгу сонетов Мицкевича, которая фактически являла собой предисловие к помещенным здесь же прозаическим подстрочникам. Вяземский полагал, что славянскому читателю в общем понятен смысл польских оригиналов, нужны лишь некоторые смысловые уточнения, которые помогут русским полностью насладиться красотой стихотворений Мицкевича. Приведем прозаический подстрочник Вяземского к интересующему нас сонету:

Вид гор из степей Козловских. Пилигрим и Мирза

Пилигрим

Там? Не Алла-ли поднял оледенелое море? Не Ангелам ли отлил он престол из замерзших облаков? не Дивы-ли (*) вознесли оныя стены из обломка вселенны, чтобы заградить каравану звезд дорогу с Востока?

Какое зарево на вершине (**)! Будто пожар Царь-града! Не Алла-ли, когда ночь раскинула темный покров (***), засветил для миров, плавающих по морю природы, те светильники среди небесного круга?

Мирза

Там? Я туда доходил; там Зима обитает: я видел, как клювы потоков и зевы рек пьют из ея гнезда:дохнул я, с уст моих летел снег; прокладывал следы там, где орлы дороги не ведают, где конец странствию облаков; я прошел мимо грома дремлющего в колыбели из туч, там, где над чалмою моею была только звезда. Это Чатырдаг (****)!

Пилигрим

Ага!!

(*) Дивы, по древней Персидской мифологии, злые гении, некогда царствовавшие на земле, потом изгнанные Ангелами и ныне живущие на конце мира, за горою Каф. *Авт.*

(**) Вершина Чатырдага, по закате солнца, от отражающихся лучей, кажется несколько времени пламенеющею. *Авт.*

(***) В польском употреблено татарское слово: хилат, халат. *Пер.*

(****) Самая высокая в цепи гор Крымских, на южном берегу. Она видна издали почти в 300-х верстах с разных сторон, в виде исполинской тучи синеватого цвета. *Авт.* [Цит. по: Московский телеграф. 1827. Ч. 14. № 7. С. 208–209].

Сопоставив подстрочник Вяземского с оригиналом Мицкевича, мы пришли к заключению о правомерности критических замечаний, высказанных О.И. Федотовым [Федотов 2011: 112]. Вяземский сильно архаизирует стиль своего подстрочника за счет широкого использования церковнославянизмов, в том числе и в данном тексте («покров», «онье», «заградить»). В результате речь персонажей несколько утяжелилась, а главное, утратился колорит, почти стерлось ощущение различия в восприятии Чатырдага Пилигримом и Мирзой. Тем самым утратилась диалектическая основа сонетной темы. Однако подстрочники Вяземского побудили многих русских поэтов и профессиональных переводчиков обратиться к текстам Мицкевича. Среди них И.И. Козлов, И.И. Дмитриев, А. Илличевский, В.Н. Щастный, В.И. Любич-Романович, Ю.И. Познанский, А.С. Пушкин, А.Н. Майков, Д.Д. Минаев, К.Д. Бальмонт, И.А. Бунин, В.Ф. Ходасевич и другие. Интересующий нас сонет привлек внимание И.И. Козлова и М.Ю. Лермонтова.

Для наглядности сопоставительного анализа представим оба текста параллельно:

И.И. Козлов	М.Ю. Лермонтов
<p style="text-align: center;">Вид гор из степей Козловских Пилигрим и Мирза</p> <p style="text-align: center;">Пилигрим</p> <p>Кто поднял волны ледяные И кто из мерзлых облаков Престолы отлил вековые Для роя светлого духов? Уж не обломки ли вселенной Воздвигнуты стеной нетленной, Чтоб караван ночных светил С востока к нам не проходил?</p> <p>Что за луна! взгляни, громада Пылает, как пожар Царь-града! Иль для миров, во тьме ночной Плывущих по морю природы, Сам Алла мощною рукой Так озарил небесны своды?</p>	<p style="text-align: center;">Вид гор из степей Козлова</p> <p style="text-align: center;">Пилигрим</p> <p>Аллах ли там среди пустыни Застывших волн воздвиг твердыни, Притоны ангелам своим; Иль дивы, словом роковым, Стеной умели так высоко Громады скал нагромоздить, Чтоб путь на север заградить Звездам, кочующим с востока? Вот свет все небо озарил: То не пожар ли Цареграда? Иль бог ко сводам пригвоздил Тебя, полночная лампада, Маяк спасительный, отрада Плывущих по морю светил?</p>

<p style="text-align: center;">Мирза</p> <p>Не вьется где орел, я там стремил мой бег, Где царствует зима, свершил я путь далекий; Там пьют в ее гнезде и реки и потоки; Когда я там дышал – из уст клубился снег; Там нет уж облаков, и хлад сковал метели; Я видел спящий гром в туманной колыбели, И над чалмой моей горела в небесах Одна уже звезда, – и был то...</p> <p style="text-align: center;">Пилигрим</p> <p style="text-align: center;">Чатырдах! (*)</p> <p>(* Вершина Чатырдага, по закате солнца, от отраженных лучей, кажется несколько времени в пламени)</p> <p style="text-align: right;">1827 [Козлов 1960]</p>	<p style="text-align: center;">Мирза</p> <p>Там был я, там, со дня создання, Бушует вечная метель; Потоков видел колыбель. Дохнул, и мерзнул пар дыханья. Я проложил мой смелый след, Где для орлов дороги нет, И дремлет гром над глубиною, И там, где над моей чалмою Одна сверкала лишь звезда, То Чатырдах был...</p> <p style="text-align: center;">Пилигрим</p> <p style="text-align: right;">А!... [Лермонтов 1979: 403]</p>
--	---

Мы не будем оригинальны, указав на то, что оба поэта дают очень вольные переложения стихотворения Мицкевича, отказавшись от сонетной формы: количество строк в их стихах намного превышает канонические четырнадцать. Мы принимаем резоны О.И. Федотова, оправдывавшего русских поэтов тем, что польский 13-сложник и русский 4- и 6-стопный ямб трудно соотносимы по количеству слов, которое они могут в себя вместить. При этом Лермонтов оказался тоньше, он не игнорировал полностью заданную Мицкевичем строфическую форму, а намекнул на нее, разбив свое стихотворение на две неравные части: первая 14-стишная реплика Пилигрима имитирует вольный сонет (катрены с перекрестной, смежной и охватывающей рифмой), а вторая может быть воспринята как «безголовый» сонет [Федотов 2011: 148].

Оба поэта сохраняют и трехчастную структуру оригинала: текст состоит из трех реплик беседующих персонажей.

Насколько близко оба следуют содержательной основе Мицкевича? О.И. Федотов, опираясь на цитированные выше подстрочники Вяземского и собственный, скрупулезно, строка за строкой, проследил за соответствиями и расхождениями [Федотов 2011: 150–156]. Поэтому

мы сосредоточим внимание лишь на тех моментах, которые представляются нам принципиально значимыми. Во-первых, заметно, что Лермонтов в репликах Пилигрима несколько сместил акценты: он дополняет изображаемую картину мотивом пустыни, разворачивает лаконичное словосочетание, предложенное Козловым «волны ледяные» в образ, концептуально пронизанный идеей остановленного движения («Застывших волн воздвиг твердыни...»; «Громады скал нагромоздить, / Чтоб путь на север заградить...»). Идея акцентирована тавтологией и аллитерацией: *громады, нагромоздить, заградить*. Заметим также и большую точность лермонтовского текста. Вслед за подстрочником Вяземского Козлов меняет характер движения: не поставленные Аллахом льды преградили путь морской стихии, но сами волны поднялись могучими торосами. У Лермонтова же остановлено именно движение волн. Более точен Лермонтов и во втором катрене: не загадочные «обломки вселенной» (появившиеся еще у Вяземского), но «скалы» более соответствуют поднявшейся подобно башням «тверди суши» Мицкевича. Лермонтовский вариант отличается развернутостью, особой величественностью: он вводит образ дивов, утраченный в тексте Козлова, наделяет их даром творческого слова, образ стены обретает пластические контуры.

Однако во втором катрене у Лермонтова появляется мотив, решительно меняющий смысловые аспекты лирического высказывания, свойственные польскому оригиналу. Как верно замечает О.И. Федотов, у Мицкевича, поднявшаяся подобно башням «твердь суши» преграждает звездам путь с востока на запад: ведь описание дано через взгляд Пилигрима, человека европейского, мыслящего мир в координатах, ориентированных в соответствии с естественным для него европоцентризмом. Запад – сам собой разумеющийся антипод востока. Этот мотив сохранен у Вяземского и дополнительно акцентирован у Козлова: «караван ночных светил» не может двигаться «с востока к нам». У Лермонтова движение звезд меняется – они «кочуют» с востока на север. О.И. Федотов так объясняет этот поворот темы: «Разумеется, мы имеем здесь дело не с недосмотром или художественным просчетом, а с компромиссным наложением двух отмеченных географических антитез, имевших особое символическое значение в творчестве польского и русского поэтов. Лермонтов в отличие от Мицкевича воспринимал Крым как южный, а не восточный край. В его поэтическом мире вектор “свободы / несвободы” пролегал по меридиану, для лирического героя или замещающего его символа с севера на юг...» [Федотов 2011: 152]. Наконец, О.И. Федотов отмечает большую по сравнению с вариантом Козлова и тем более Вяземского пластичность и метафо-

ричность картины озаренного светом звезд ночного неба, способность Лермонтова передать интенсивность их сияния, избежать характерной для Козлова абстрактной умозрительности образа «миров, плывущих по морю природы». Звезды, уподобившиеся кораблям, плывущим на спасительный свет маяка-горного света, с одной стороны, являют собой грандиозную зрительно воспринимаемую картину, а с другой – метафорически выражают характерную для духовного сверхтекста лермонтовской лирики устремленность к небесному. В этом отношении вполне правомерной представляется параллель интересующего нас произведения с такими шедеврами, как «Выхожу один я на дорогу...», «Ангел» и др.

Более точен оказывается Лермонтов и в части, представленной репликой Мирзы. Однако обращают на себя внимание тактично введенные детали, придающие образам большую конкретность: из уст путника вырывается не снег, а «пар» дыхания, зато появляется «метель», гром дремлет не в «туманной колыбели», а «над глубиной» и т.д. Все эти наблюдения, сделанные О.И. Федотовым, представляются нам крайне важными. Но думается, что недостаточно просто их зафиксировать, поскольку в ходе размышлений над ними возникает ряд вопросов. Попытаемся их обозначить и предложить собственные ответы.

Во-первых, как помним, сонеты Мицкевича были опубликованы в России в 1826 и в 1829 годах. Подстрочники Вяземского были напечатаны в 1827 году. В этом же году пишет свое стихотворение И.И. Козлов. Лермонтов, начиная с 1828 года, не раз обращался к сонетной форме. Однако в этот период «Крымские сонеты» Мицкевича не привлекли его внимания, несмотря на всеобщий интерес к ним. Но вот проходит десять лет напряженных исканий, и поэт вдруг обращается к Мицкевичу. При этом выбирает только одно стихотворение. Почему именно это?

Объяснение находим в исследовании С.И. Ермоленко, которая убедительно доказывает, что в данный период в поэзии Лермонтова формируется новый тип лиризма, связанный с прорывом замкнутости самодостаточного субъективного мира личности, распахнутого навстречу «всем проявлениям бытия» [Ермоленко 1996: 376]. Этот сложный процесс обнаруживает себя в объективации лирического сознания, когда преодолевается его замкнутость и открывается самоценность другого, «чужого» сознания, а мир предстает как сложная система взаимосвязей и взаимоотношений между различными «я» [Ермоленко 1996: 374]. Одним из признаков данного процесса является постепенное формирование в лирике Лермонтова такой формы выражения авторского сознания, как ролевой герой, прослеженное

С.И. Ермоленко на анализе целого ряда стихотворений, написанных в разные периоды творческой эволюции поэта. Думается, что мы можем расширить привлеченный исследователем материал, включив в него стихотворение «Вид гор из степей Козлова». Сонет Мицкевича привлёк внимание Лермонтова именно тем, что в нем сделана попытка раскрыть особенности двух разных типов сознания, представленных в образах Пилигрима и Мирзы. На этом и сосредоточил свои усилия поэт. И, на наш взгляд, пошел другим путем, нежели Мицкевич.

Как помним, Мицкевич, вкладывая в уста своего Пилигрима дилетантские рассуждения в псевдоориентальном духе, психологически точно передавал особенности восприятия путешествующего просвещенного европейца, спешащего продемонстрировать своему спутнику глубину собственных познаний в области экзотической для него мифологии и культуры Востока. Мирза же в своем описании опирался на реальный эмпирический опыт.

Всмотримся внимательнее в текст Лермонтова. О.И. Федотов заметил последовательное стремление Лермонтова к усилению элементов точной, зрительного характера пластики в реплике Пилигрима. Полагаем, что эти наблюдения можно дополнить. Все описание в первой части пронизано сквозным мотивом мечтательной созерцательности. Пилигрим рисует не реальную картину, но воображаемую, и она статична. Отсюда нанизывание образов, связанных с моментом остановки, застылости, неподвижности: «твердыни» «застывших волн», «громады скал», «громоздящиеся» «стеной», «полночная лампада» горного света, которую бог «пригвоздил» к небесным «сводам». Даже образ маяка создает впечатление незыблемой устойчивости, притягивая к своей неподвижной точке плывущие по морю звезды-корабли. Таковую картину в своем воображении может нарисовать натура мечтательная, одаренная богатым воображением, развитым эстетическим чувством, но созерцательная. Пилигрим в сущности и не нуждается в том, чтобы воочию увидеть реальный Чатырдаг, он удовлетворен воображаемым.

Реплика Мирзы, напротив, пронизана энергией сильной и деятельной воли. Мирза не любит себя увиденными красотами. Он утверждает свое бытие через акт действия: «Там был я»; «потоков видел колыбель»; «Я проложил мой смелый след, / Где для орлов дороги нет». И мир, который открылся его взору, не внутреннему, а вполне конкретному, физическому, – полон движения, динамики. В нем «бушует вечная метель», «сверкает» звезда, орлы не находят дороги. Там, где внутреннему взору Пилигрима представляются торосы застывших волн, Мирза наблюдает «потоков рождение». Особенно ярко момент

динамики передается в строке «Дохнул, и мерзнул пар дыханья», благодаря столкновению двух глаголов, несущих емкий смысл события. Лермонтову не нужны вялые «уста», из которых «клубится снег». Нет, энергичный выдох вторгается в холодную атмосферу, мгновенно рождая струю пара, так же мгновенно замерзающую. Заметна и разница в интонации двух реплик. Описание Пилигрима представлено в развернутых, распространенных фразах вопросительного типа. Фразы Мирзы коротки и энергичны, каждая заканчивается четким утверждением.

Так в стихотворении Лермонтова раскрываются две натуры: созерцательная, мечтательная (Пилигрим) и деятельная, энергичная (Мирза). В таком контексте замена антитезы «восток-запад» на «восток-север» обретает новый смысл. Еще в юношеском «Монолог» Лермонтов использовал образ «детей Севера» для характеристики определенного типа человеческой личности, который, пройдя через ряд метаморфоз, в «Думе» превратится в «наше поколение». Столь же последовательно будет Лермонтов осмыслять иной тип характера, представленный в его произведениях на «кавказскую» тематику. Созерцательным, рефлектирующим соплеменникам будет он противопоставлять энергичные натуры горцев. Уместно вспомнить и образы «богатырей» предшествующей эпохи, противопоставленные «нынешнему племени» в знаменитом «Бородине». Думается, что стихотворение «Вид гор из степей Козлова» вписывается именно в этот ряд.

Однако в данном стихотворении есть один, на наш взгляд, важный нюанс, которого нет, например, в «Бородине». Нам представлен диалог двух равных по внутренней наполненности сознаний. Каждое из них наделено правом голоса. Понять друг друга могут только личности равного масштаба, а равенство достигается благодаря тому, что они совершенно разные. Именно различие позволяет им услышать друг друга: сходство натур создало бы эффект взаимоотражения и тем самым привело бы к углублению в собственную душу. Равенство обнаруживается и формально, на строфическом уровне, поскольку обе реплики могут быть определены как сонетные формы, чем манифестируется их внутренняя завершенность. Сонет в реплике Мирзы – короче («безголовый»), потому что это более энергичная натура, предпочитающая меньше «говорить» и больше «делать».

Финальное восклицание Пилигрима сводит обе точки зрения в единый фокус: два восторга, вызванные разными формами восприятия мира (воображение и действие) сливаются в едином порыве. Таким образом, в данном стихотворении осуществляется логика развития сонетной мысли (триада «тезис-антитезис-синтез»), но строфическая структура четырнадцатистроичника оказывается Лермонтову не нужна.

А потому и не удивляет отказ от нее. Дело вовсе не в том, что русский ямб вмещает меньше слов, чем польская силлабика. Поэт такого уровня, как Лермонтов, без труда справился бы с техническими проблемами, если бы поставил перед собой такую задачу. Но жанровая форма стихотворения Мицкевича его не интересует. И тонко намекнув на нее в репликах Пилигрима и Мирзы, Лермонтов углубляется в решение совершенно иной задачи проникновения в глубины человеческого сознания.

Таким образом, обращение к сонету Мицкевича, на наш взгляд, является свидетельством упорной и сознательной работы Лермонтова над созданием лирики нового типа, которая в литературоведении определяется как «ролевая».

ЛИТЕРАТУРА

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. – Л.: Наука, 1979. Т. 1. – 655 с.

Козлов И.И. Полное собрание стихотворений. – Л.: Сов. писатель, 1960. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kozlow_i_i/text_0110-1.shtml (дата последнего обращения 14.04.2013).

Ермоленко С.И. Лирика М.Ю. Лермонтова: жанровые процессы. – Екатеринбург: Изд-во АРГО, 1996. – 420 с.

Федотов О.И. Сонет. – М.: РГГУ, 2011. – 610 с.

© Ложкова А.В., 2013